

Р. Г. Гагкуев

**Бердичевские узники:
арест генерала А. И. Деникина
и офицеров штаба
Юго-Западного фронта
в дни Корниловского выступления
(август — сентябрь 1917 г.)**

В последние годы события Корниловского выступления¹ (август 1917 г.) неизменно находились в центре внимания отечественных историков. Еще в 2003 г. увидел свет двухтомный сборник «Дело генерала Корнилова», в котором были опубликованы материалы Чрезвычайной следственной комиссии по делу о мятеже². Помимо этого академического издания документов, внесшего существенный вклад в изучение так называемого дела Корнилова, выходило немало исследований, пытавшихся осмыслить произошедшие в августе 1917 г. события и оценить их влияние на дальнейшее развитие ситуации в стране³. Не случайно, говоря о важности Корниловского выступления, некоторые историки именно с него начинают отсчет Гражданской войны в России⁴.

Между тем, несмотря на кажущуюся исчерпанность вопроса, многие детали по сей день остаются недостаточно ясными. И дело не только в споре о том, было ли Корниловское выступление «заговором мятежных генералов» или «провокацией Керенского». Отсутствие документов по некоторым аспектам следствия не позволяет прийти к однозначным выводам, поэтому большим шагом вперед стала публикация А. В. Ганиным в 2017–2018 гг. материалов по делу о так называемой бердичевской группе мятежников — главкоме армий Юго-Западного фронта

**Гагкуев Руслан
Григорьевич**
д-р ист. наук,
вед. науч. сотр.,
Институт российской
истории РАН
(Москва, Россия)

А. И. Деникине и офицерах его штаба⁵. Не меньшего внимания заслуживает и нахождение бердичевских узников под следствием до их перевода в Быхов — по ряду причин в сентябре они оказались в значительно более сложной ситуации, чем основная группа арестованных по делу Корнилова.

Предыстория ареста хорошо известна. Во время Корниловского выступления в конце августа 1917 г. главком армий Юго-Западного фронта генерал-лейтенант А. И. Деникин, его начальник штаба генерал-лейтенант С. Л. Марков и ряд других сотрудников штаба выступили на стороне верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова. Деникин 27 августа (9 сентября) направил телеграмму со словами поддержки главноверха министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому. То же сделал и Марков, всецело разделив позицию своего начальника. 29 августа (11 сентября) 1917 г. Деникин и ряд других генералов и офицеров штаба Юго-Западного фронта за поддержку Корнилова были отстранены от должности и арестованы солдатами Бердичевского гарнизона. Фактически арестом руководили представители исполнительного комитета Совета солдатских депутатов Юго-Западного фронта и комиссар Временного правительства при армиях фронта Н. И. Иорданский. Вместе с главкомом фронта Деникиным были арестованы начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. Л. Марков, генерал-квартирмейстер генерал-майор М. И. Орлов, главный начальник снабжений фронта генерал-лейтенант Е. Ф. Эльснер, командующий 1-й армией генерал-лейтенант Г. М. Ванновский, командующий Особой армией генерал от инфантерии И. Г. Эрдели (позднее аресту подверглись поручик В. В. Клецанда и ротмистр князь С. А. Кропоткин). Заключение были помещены в здании гауптвахты на Лысой горе в полуверсте от Бердичева⁶.

Подробности ареста генералов пресса опубликовала уже 30–31 августа (12–13 сентября): «В половине пятого вечером 29 августа (11 сентября) к дому [в Бердичеве], занимаемому главнокомандующим подъехало два автомобиля с представителями комиссариата и исполнительного комитета в сопровождении верных Временному правительству солдат. Солдаты выстроились шпалерами у входа. Члены комиссариата и исполнительного комитета, которым поручено было произвести арест генералов Деникина, Маркова и Орлова, прошли в кабинет главнокомандующего. В кабинете находились генерал Деникин и начальник штаба генерал Марков. Помощник комиссара [Юго-Западного фронта В. А.] Костицын объявил, что он должен прочесть приказ от имени Временного правительства. Главнокомандующий генерал Деникин встал и, вытянувшись по-солдатски, молча и наружно спокойно выслушал чтение приказа. Когда Костицын кончил, Деникин спросил: “Уведомлено ли об этом Временное правительство?” Костицын ответил: “Для вас достаточно знать, что делается это именем Временного правительства”. Генерал Марков во время чтения приказа держался вызывающе, курил и нервничал. Когда генералам предложили немедленно последовать за комендантом города, членом исполнительного комитета штабс-капитаном Поповым, Марков дерзко спросил: “А фуражку можно надеть? Или у вас арестованных ведут без фуражек?” Вышли на улицу. Комендант Попов, генералы Деникин и Марков сели в автомобиль, члены

комиссариата и комитета во второй автомобиль и все вместе подъехали к зданию штаба, где находился генерал-квартирмейстер генерал Орлов... Генерал Орлов был арестован и автомобили тихим ходом двинулись по улице»⁷.

Сам Костицын, руководивший арестом, в воспоминаниях оставил очень лаконичное описание своего участия во взятии корниловцев под стражу: «В конце августа произошло выступление генерала Корнилова, к которому присоединился Деникин. Я арестовал генералов Деникина, Маркова и других; по армиям были арестованы все командующие и их начальники штабов; авторитет командования был совершенно разрушен, и, начиная с этого момента, фронт не существовал»⁸. Еще 28 августа (10 сентября) председатель исполкома фронта эсер солдат И. С. Дашевский⁹ отправил Керенскому телеграмму, в которой говорил о «настоятельной необходимости немедленной замены» командования фронта. В сообщении указывалось, что попытка «использовать смену верховного главнокомандующего для контрреволюционных целей [была] парализована без кровопролития. Революционная власть сосредоточена в руках исполнительного комитета... фронта, связанного с армейскими комитетами, делегировавшего двоих комиссаров к представителям командного состава, сохранив за последними свободу личную и оперативных распоряжений»¹⁰. Исполком фронта 31 августа (13 сентября) информировал о назначении исполняющим обязанности главкома Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Ф. Е. Огородникова и подчеркивал, что «в армиях... фронта полное спокойствие и порядок. Комиссары и комитеты работают в полном единении с командным составом»¹¹. Комиссар Иорданский в своем обращении к фронту особо отмечал «энергичную деятельность комитетов, благодаря которой удалось избежать тяжелых осложнений и эксцессов»¹². Тогда же исполнительный комитет Юго-Западного фронта выпустил воззвание, подписанное комиссаром Юго-Западного фронта Н. И. Иорданским и председателем исполкома фронта И. С. Дашевским. В нем впервые говорилось о предстоящем военно-революционном суде над арестованными¹³.

Вопрос степени участия Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в Корниловском выступлении в существенной мере проясняется благодаря публикации документов следственной комиссии, содержащихся в «Деле о событиях 27 и 28 августа 1917 г. в городе Бердичеве», которые долгое время были недоступны для исследователей. С одной стороны, опубликованные материалы не содержат каких-либо свидетельств того, что «Деникиным и Марковым осуществлялись силовые действия»; с другой — члены группы «по всей видимости... были в курсе ожидавшихся событий». Их участие в заговоре «свелось к рассылке телеграмм солидарности с Корниловым», при этом «каких-либо серьезных мер для взятия под контроль местного гарнизона... предпринято не было. Не подверглись задержаниям и представители фронтового комиссариата, которые являлись соглядатаями правительства и с недоверием относились к генералам»¹⁴.

Арестованные в Быхове чины штаба армий Юго-Западного фронта оказались в крайне непростой ситуации. Немалую роль в этом сыграли напряженные взаимоотношения Деникина с комитетом и комиссариатом Юго-Западного

фронта, сложившиеся сразу после его назначения на пост главкома армиями. Сведения о трениях между ними просачивались на страницы прессы уже после ареста Деникина. Так, журналист А. Ф. Дубовской, отвечая на свой собственный вопрос о том, «чем же объясняется эта непримиримая крайне враждебная позиция», которую заняли по отношению к своему главкому комитет и комиссар фронта, писал: «Расшифровать истинную причину этой враждебности очень легко... Когда генерал Деникин поступил на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом (2 (15) августа. — Р. Г.), он узнал, что его предшественник (генерал-лейтенант П. С. Балугев. — Р. Г.), ассигновал на нужды комитета 100 тысяч рублей. Деникин нашел этот расход незаконным и заявил: “Не отпущу ни копейки, пока не получу распоряжения свыше”. Кроме того, он, со свойственной ему прямоотой, высказал несколько горьких истин в лицо комиссару и комитету»¹⁵.

Конфликт между Деникиным и Иорданским, в основе которого лежали финансовые вопросы, подтверждает и генерал от инфантерии М. В. Алексеев. В письме редактору газеты «Новое время» от 12 (25) сентября 1917 г. генерал, сдавший к тому времени должность главковерха, говорил о своем отношении к ходу следствия по делу Корнилова так: «Я уверяю, что дело Деникина в Бердичеве и неистовства толпы направляются нечестной, мелко-мстительной личностью Иорданского и развращенным составом фронтового комитета. Комитет сводит счеты с Деникиным и Марковым за то, что они положили предел запусканию лапы в казенный денежный сундук, а Иорданский имел с ними неприятные для себя объяснения. На все это дело напущен туман телеграммами и объяснениями Керенского... Но неужели Россия не захочет узнать правды? Неужели нельзя вынудить всеми честными голосами, чтобы правительство нашло силу воли извлечь 8 генералов из лап бердичевских дельцов и слить их дело с процессом Корнилова? Неужели допустим самосуд, быть может, и желанный для кого-то, ибо при этом будут похоронены все следы участия лиц, желающих скрыть это?»¹⁶

Каких-либо сведений о финансовых злоупотреблениях фронтового комитета ни до, ни после августа — сентября 1917 г. опубликовано не было. Но, несмотря на отсутствие доказательств неких «махинаций», вполне очевидно, что отношения комиссара фронта Иорданского и главкома Деникина были крайне напряженными. Это обстоятельство не могло не сыграть свою роль после ареста «бердичевцев». Сам Иорданский в показании следствию 14 (27) октября указывал: «Генералы Деникин и Марков совершенно откровенно высказали свое вполне отрицательное отношение и к комитетам, и к комиссариату и не обнаружили никакого желания наладить общую работу»¹⁷.

Комиссар Иорданский и исполком фронта рассчитывали самостоятельно провести расследование и суд, независимые от действий созданной Временным правительством Чрезвычайной комиссии. Биограф Деникина Д. В. Лехович отмечал, что Иорданскому «хотелось отличиться в ликвидации контрреволюционного заговора»¹⁸. Упорство, с которым революционная демократия Юго-Западного фронта отказывалась передать деникинскую группу правительственной комиссии для расследования дела Корнилова в одних руках,

«заставляет усомниться в том, что они руководствовались исключительно стремлением к правосудию». Арест деникинцев, их невыдача центру, проведение самостоятельного расследования, а затем и военно-революционного суда открывали перед Иорданским и исполкомом фронта «немалые политические возможности»¹⁹. Подобный сценарий позволял создать «прецедент, который означал бы окончательное распыление единого дела генерала Корнилова на множество мелких следствий»²⁰. По справедливому замечанию А. В. Ганина, попытка Керенского организовать с помощью комиссара Иорданского военно-революционный суд в Бердичеве над Деникиным и его соратниками, не дожидаясь расследования дела Корнилова, не только означала бы «смертный приговор второстепенным участникам дела», но и предрешила бы «участь основных фигурантов»²¹.

Возможно, еще бóльшую роль в судьбе деникинской группы могло сыграть общее настроение по отношению к корниловцам, царившее в солдатских массах осенью 1917 г. Его наглядно передает телеграмма Керенскому, отправленная за подписью председателя исполкома фронта Дашевского 31 августа (13 сентября): «Все солдаты и офицеры, за весьма редким исключением, рассматривают Корнилова и его сообщников как изменников Родины, не постеснявшихся поднять мятеж в минуту небывалых тяжелых испытаний. Единственно возможным выходом, который раз навсегда положит конец контрреволюционным заговорам и попыткам изменить свободной России, весь фронт во главе со всеми армейскими организациями и комиссариатом считает предание военно-революционному суду как Корнилова, так и всех участников заговора. Фронт считает, что военно-революционные суды введены не только для солдат дезертиров, но и для всех изменников революционной России, независимо от занимаемого положения»²². Комиссар Иорданский сопроводил эту телеграмму Керенскому отдельной припиской, указывающей, что она «основана на правильном понимании настроения солдатских масс»²³.

Всеобщая подозрительность по отношению к «контрреволюционерам», а зачастую и желание свести личные счеты, пользуясь выгодным моментом, приводили к тому, что жертвами зверских расправ становились офицеры, не имевшие никакого отношения к делу Корнилова. Волна самосудов прокатилась по фронту; наиболее резонансными стали убийства офицеров в Выборге и на линейном корабле «Петропавловск». Но все эти расправы не коснулись главных объектов ненависти представителей «фронтной демократии» — Корнилова и поддержавших его генералов и офицеров. И если арестованные в Ставке главнокомандующего в сентябре 1917 г. находились в относительной безопасности, судьба деникинской группы около месяца висела на волоске. Желание исполкома фронта и комиссариата судить арестованных военно-революционным судом было столь явно, а поддержка солдатскими массами настолько демонстративно очевидной, что какое-то время судьба Деникина и его соратников казалась предрешенной. Не случайно на Юго-Западном фронте в сентябре 1917 г. прошла череда арестов офицеров по подозрению об участии в «корниловщине».

Комиссар фронта Иорданский 2 (15) сентября вынужден был дать отдельную телеграмму комиссарам и комитетам фронта. В ней он сообщал,

что главные участники заговора на Юго-Западном фронте уже арестованы, и, ссылаясь на соглашение с исполкомом, предлагал им «воздержаться от дальнейших арестов, производя только предварительные расследования»; в случае необходимости ареста они должны были запрашивать его об этом по телеграфу²⁴. Впрочем, сам комиссариат, отмечая, что «поспешные, самочинные аресты без достаточных оснований — явление крайне нежелательное и могут внести в армию много раздора», вынужден был 6 (19) сентября опубликовать письмо одного из арестованных полковников: «Обращаюсь к вам, господин комиссар, с горячим протестом гражданина офицера против мотивов ареста, которому я подвергнут. Я не состою и не состоял членом Союза офицеров армии и флота и не оказывал давления на своих товарищей в смысле привлечения их к нему. Арест произведен на основании журнала батальонного комитета, но по приказу № 213 по военному ведомству командир частей ни в коем случае неподсудны комитету части. Взываю к вашей совести, которая мне, Георгиевскому кавалеру и израненному офицеру, дороже жизни. Дайте свободу и мне, я за нее сражался»²⁵.

Действия комиссара Иорданского с самого начала были нацелены на быстрое расследование и скорый военно-революционный суд над «бердичевцами». Уже 30 августа (12 сентября) он предлагал полемому военному прокурору фронта генерал-лейтенанту С. А. Батогу «произвести... расследование о покушении на государственную измену со стороны [деникинской группы]»²⁶. В состав комиссии вошли наблюдатель, полевой прокурор Батог, а также члены комиссии: помощник комиссара фронта В. А. Костицын, заведующий юридическим отделом комиссариата подполковник Шестоперов, член киевского окружного суда подполковник Франк, член исполкома фронта младший фейерверкер Э. А. Левенберг²⁷. Выпускаясь исполкомом «Голос фронта» публиковал объявления с призывом помочь работе комиссии, в которых просил «всех лиц, располагающих существенными для дела следствия сведениями об этих событиях, пожаловать для дачи показания в помещение военного комиссариата Юго-Западного фронта»²⁸.

1 (14) сентября была опубликована телеграмма комиссара Иорданского и исполкома фронта министру-председателю А. Ф. Керенскому (с копией в Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов). В ней они настаивали на предании деникинской группы военно-революционному суду на месте: «Упоминание в вашей телеграмме о содержании под арестом впредь до дальнейших распоряжений преданных суду мятежников вызывает недоумение военно-судебных властей относительно дальнейшего направления дела. Принимая во внимание возбужденное настроение солдатской массы и совершенную необходимость дать должное удовлетворение всеобщему требованию справедливого возмездия мятежникам, считаем безусловно необходимым осуждение их здесь же, на Юго-Западном фронте и незамедлительно военно-революционным судом, которым были судимы солдаты, изменившие своему военному долгу, на что просим вашего срочного подтверждения. Малейшее колебание в этом вопросе грозит вызвать на фронте чрезвычайное брожение и самые опасные осложнения»²⁹.

Немного позднее пресса пересказывала и суть ответа Керенского Иорданскому, данного после доклада комиссара о положении дел на фронте: «Учитывая всю обстановку текущего момента, приму все меры к тому, чтобы вопрос получил разрешение в духе права и справедливости»³⁰. 3 (16) сентября «Речь» сообщила о якобы имевшем место запросе Иорданского в Петроград (не указанным адресатом, очевидно, был Керенский), «может ли он по вопросу о направлении дел арестованных генералов действовать в пределах закона, сообразно с местными обстоятельствам, или же обязан руководствоваться какими-либо политическими соображениями центральной власти»; на это Иорданский получил ответ «в том смысле, что действовать надлежит, не считаясь ни с чем, кроме как с законом, и принимая во внимание обстоятельства на местах»³¹. По справедливому замечанию Д. В. Леховича, в условиях того времени подобная общая формулировка Керенского могла «иметь лишь один смысл, а именно — дать возможность толпе вмешаться в судебный процесс и предрешить его исход»³². Сам Керенский неоднократно пытался повлиять на членов Чрезвычайной комиссии согласится с рассмотрением дела деникинской группы на Юго-Западном фронте. Он даже обещал членам комиссии, что не утвердит возможный смертный приговор военно-революционного суда «бердичевцам», но столкнулся с жесткой позицией председателя комиссии И. С. Шабловского по этому вопросу³³.

«Фронтальная демократия» всячески подчеркивала непредвзятость работы следственной комиссии, созданной на Юго-Западном фронте. Так, 9 (22) сентября сообщалось о том, что «арестованные, как соучастники этого заговора генералы [Д. Д.] Сергиевский³⁴ и [И. В.] Павский³⁵ совершенно не причастны к этому делу, а посему подлежат освобождению из-под ареста. Согласно свидетельским показаниям, полученным следственной комиссией, генерал Сергиевский характеризуется с лучшей стороны, как гуманный и справедливый человек»³⁶. Но даже освобождение двух генералов, признанных комиссией невиновными, осуществить было непросто. Помощник комиссара фронта Н. С. Григорьев в 1919 г. вспоминал: «Контрразведка доносила, что солдаты гарнизона... могут не позволить освободить [их]... Помощник комиссара Костицын поехал поздно вечером на гауптвахту и вывез арестованных на своем автомобиле, причем мы держали на случай нападения наготове четыре броневика... преданных нам и согласных идти в бой против любой толпы. Нападения, однако, не произошло, солдаты случайно прозевали»³⁷.

Дальнейшие события показывали решительность представителей «фронтальной демократии» довести задуманное до конца. Исход предстоящего суда «в атмосфере демагогии и жажды крови, цар[ившей] в то время, был предрешен, и жизнь заключенных явно находилась под угрозой»³⁸. 5 (18) сентября сообщалось о начале подготовки суда над деникинцами: «Военно-революционный суд по делу бердичевской группы генералов состоится в ближайшем будущем. Состав суда формируется из одной боевой дивизии, так как следственная комиссия признала необходимым, чтобы дело это рассматривалось избранными представителями боевой части... Общественным обвинителем выступит штабс-капитан Павлов³⁹, один из виднейших членов исполнительного комитета

Юго-Западного фронта. Павлов бывший студент Петроградского политехнического института. Перед войной он около года сидел в тюрьме по политическому процессу. На войне участвовал во многих боях и проявил себя как выдающийся офицер. Три раза ранен. В своей дивизии пользуется всеобщим доверием и любовью солдат»⁴⁰.

Председатель Чрезвычайной комиссии по расследованию дела Корнилова И. С. Шабловский в вопросе перевода в его распоряжение деникинской группы с самого начала действовал последовательно и решительно. Входящий в состав комиссии полковник Р. Р. фон Раупах в августе 1928 г., уже находясь в эмиграции, в одном из писем утверждал: «Предоставить комиссару Иорданскому организовать военно-революционный суд в Бердичеве для немедленного рассмотрения дела генералов Деникина, Маркова и др., не выжидая обследования “мятежа” самого ген[ерала] Корнилова, [означало бы] смертный приговор второстепенным виновникам [и] этим самым предрешало судьбу виновников главных»⁴¹. Еще 3 (16) сентября состоялся разговор Шабловского по телеграфу с начальником кабинета верховного главнокомандующего генерал-майором В. Л. Барановским в котором он просил разъяснить, «возможно ли затребовать в Могилев» деникинскую группу⁴².

В беседе с журналистами, состоявшейся 1 (14) октября, Шабловский рассказал ряд подробностей о своих действиях по переводу деникинской группы в Быхов: «О попытке судить деникинскую группу отдельно я узнал впервые, когда прибыл в начале сентября в Могилев, из газетной заметки. Тотчас же я дал знать комиссару... фронта Иорданскому, что, согласно имеющимся у меня полномочиям, я не могу допустить над соучастниками корниловского выступления никакого сепаратного суда, в особенности без предварительного расследования, которое возложено на Чрезвычайную следственную комиссию. Комиссар Иорданский, сначала по аппарату, а потом лично, указывал, что, не говоря уже о переводе генералов куда бы то ни было, даже малейшая отсрочка суда над ними грозит неисчислимыми бедствиями России — чуть не осложнением на фронте и новой гражданской войной в тылу... Но я не мог согласиться с этим. Уже одно то, что генерал Деникин открыто солидаризировал себя с генералом Корниловым, требовало предания их единому суду»⁴³.

4 (17) сентября состоялся разговор по прямому проводу между Шабловским и Иорданским, во время которого председатель Чрезвычайной комиссии заявил о незаконности проведения отдельного следствия над деникинской группой. «Я завтра обращусь в исполнительный комитет и сообщу сделанное Вами разъяснение, — отвечал Иорданский, — но я заранее уверен, что в результате начнется агитация по всему фронту и спокойствие будет нарушено. Что же касается проволоочки, то я могу сообщить, что проволоочки не предвидится. Военно-революционный суд предполагается осуществить с законной быстротой, и, вероятно, в течение трех дней дело первой группы обвиняемых, генералов Деникина, Маркова, Орлова и других чинов штаба, наход[ящихся] в Бердичеве с 27 и 28 августа, будет ликвидировано. Предотвратить это возможно специальным указом Временного правительства... Я приму все меры,

но солдаты думают, что генералов нужно судить таким же военно-революционным судом, каким судили их последние месяцы»⁴⁴.

Член комиссии, помощник военного прокурора Петроградского военно-окружного суда полковник Н. П. Украинцев в опубликованных в 1936 г. воспоминаниях подробно рассказывал о действиях «фронтной демократии»: «Производя аресты главного командования фронта в Бердичеве, хотели, чтобы суд (военно-революционный, то есть полевой) состоялся немедленно и именно в Бердичеве. Мы в Могилеве ни о составе преступления, ни о доказательствах не знали ровно ничего. На наши телеграммы Иорданскому прислать нам материалы дознания или местного следствия мы прямого ответа не получали, получали лишь извещения о намерении созвать суд, не ожидая результата работ нашей комиссии. Допустить разбор дела в Бердичеве мы не могли и не хотели по вполне понятным причинам... Мы не могли уступить и потому, что были уверены, что при том предупредительно-угодливом, как нам казалось, настроении комиссара Юго-Западного фронта и иже с ним всякий революционный суд там, на фронте, безусловно, вынесет смертный приговор арестованным генералам... Не получая положительного ответа от комиссара Юго-Западного фронта на наше требование о представлении нам актов дознания и следствия, произведенных на месте, мы обратились с просьбой к Керенскому отдать соответствующее распоряжение Иорданскому. Это ходатайство наше осталось равным образом без результата»⁴⁵.

Недружественный настрой «фронтной демократии» по отношению к Чрезвычайной комиссии не скрывался. Пресса довольно подробно освещала пребывание представителей комиссии в Бердичеве; в частности, «Киевская мысль» сообщала: «Ввиду того, что допрос... должен был коснуться взаимоотношений комиссариата и штаба, ни комиссар Иорданский, ни его помощники не сопровождали следственную комиссию. Было около 10 часов вечера [8 (21) сентября], когда комиссия подъехала к зданию гауптвахты. Едва только она успела приступить к допросу генерала Деникина, как у гауптвахты собралась вооруженная толпа — человек в пятьсот. Многие из них были вооружены винтовками. Раздавались угрожающие выкрики, как по адресу обвиняемых, так и по адресу комиссии, которая по мнению солдат приехала с целью увезти в Могилев всех содержащихся на бердичевской гауптвахте. К солдатам вышли члены следственной комиссии и пытались успокоить крайне разволновавшуюся толпу. Несмотря на уговоры и на заверения, что комиссия совсем не намерена увозить генералов, солдаты не расходились, и только когда прибыли вызванные члены фронтального исполнительного комитета, положение перестало быть угрожающим»⁴⁶. Помощник комиссара фронта Григорьев еще более откровенно описал пребывание Чрезвычайной комиссии в Бердичеве: «Солдаты гарнизона, всюду имевшие своих шпионов, тотчас же большой толпой окружили здание гауптвахты, арестовали членов комиссии и потребовали от них объяснения, зачем они приехали, скоро ли будут судить генералов, удивлялись, почему их до сих пор не судят, и, напирая на Шабловского, кричали, что генералов они не выпустят, а сами их рано или поздно прикончат. Комиссар Иорданский, извещенный по телефону, приехал вслед, внес успокоение в разбушевавшуюся

толпу солдат, освободил членов комиссии и с большим трудом вывез их с гауптвахты. Комиссия решила, что арестованных вывозить еще нельзя»⁴⁷. На следующий день представители комиссии присутствовали на заседании исполкома фронта, который в «полном единодушии с комиссаром» настаивал на том, «чтобы дело... рассматривалось военно-революционным судом в Бердичеве и притом было назначено к слушанию в самом непродолжительном времени»⁴⁸.

11 (24) сентября стало известно, что «Юго-Западные фронтовые организации во главе с киевским Советом рабочих и солдатских депутатов категорически отказались передать в распоряжение следственной комиссии Шабловского» «бердичевцев». В газетах сообщалось, что «добиться разрешения конфликта и передачи арестованных комиссии не удалось», несмотря на личное выступление Шабловского. В результате долгих переговоров киевский Совет решил на неделю отложить назначение военно-революционного суда над деникинской группой⁴⁹. «Киевская мысль» сообщала, что исполком фронта, предполагавший назначить суд над мятежниками на 10 (23) сентября, «по настоянию председателя комиссии Шабловского и комиссара Иорданского» отложил его на пять-семь дней — время, необходимое, чтобы Временное правительство решило, «будут ли их судить отдельно или вместе с Корниловым»⁵⁰.

Большинство центральных газет регулярно публиковало сообщения с Юго-Западного фронта, хотя и не на первых полосах. «Следствие по делу о заговоре ведется на Юго-Западном фронте таким образом, чтобы предоставить обвиняемым полную гарантию правосудия, — сообщал 3 (16) сентября «Голос фронта». — В режиме введены многие облегчения, и никаким физическим лишениям, как наказанию, заключенные не подвергаются. По мнению состоящих в следственной комиссии представителей военно-судебных властей, революционная демократия выказала большое благородство и большое беспристрастие в отношении обвиняемых. Настроение арестованных генералов различно. Деникин держится спокойно и с достоинством. Марков сильно нервничает. Орлов угнетен. Эльснер выглядит спокойно»⁵¹. Тогда же сообщалось, что Иорданский предложил полевому военному прокурору Батогу довести до сведения членов фронтовой следственной комиссии, что «дело это по группам, по мере выяснения виновности участвовавших в этом преступлении лиц, должно передаваться в военно-революционный суд»⁵². 5 (18) сентября в прессе появилась информация, что «военно-революционный суд над арестованными генералами и другими лицами, обвиняемыми в восстании, состоится в ближайшем будущем»⁵³. 7 (20) сентября один из спецкоров сообщал, что расследование заговора деникинской группы особой комиссией ведется энергично: «Следствие раскрывает картину заговора против Временного правительства. Организация, по-видимому, была построена централистически, а периферийные круги были мало осведомлены о планах руководителей»⁵⁴. 8 (21) сентября корреспондент из Киева телеграфировал: «В армиях Юго-Западного фронта все настойчивее высказывается требование, чтобы арестованные генералы... никуда не отправлялись из Бердичева и были судимы здесь военно-революционным судом. Арестованные содержатся на гауптвахте на Лысой горе, в предместье Бердичева. Караул несут солдаты, не допуская никого приближаться к месту заключения

арестованных. Солдаты часто предъявляют требование о проверке, не увезены ли арестованные из Бердичева»⁵⁵. Ввиду таких настроений солдатских масс комиссар Иорданский, председатель исполкома Дашевский и прокурор Батог «спешно выехали из Могилева для доклада Керенскому о необходимости согласовать все следствие о мятеже таким образом, чтобы солдаты имели уверенность, что мятежные генералы понесут законное наказание»⁵⁶.

Условия заключения «бердичевцев» на гауптвахте были тяжелы не столько физически, сколько морально. Постоянное давление солдатской толпы на охрану, упорно ходившие слухи о скором на расправу военно-революционном суде, подтверждавшиеся публикуемыми в прессе заметками, — все это тяжело воздействовало на арестованных. Безопасность заключенных на гауптвахте на Лысой горе обеспечивали кадеты 1-й и 2-й Житомирских школ прапорщиков. Но это была лишь небольшая по численности охрана, окруженная «солдатским морем» гарнизона Бердичева. С. Л. Марков в дневниковой записи⁵⁷ от 29 августа (11 сентября) кратко охарактеризовал условия заключения и давление, которое солдатские массы оказывали на охрану: «В 5 1/2 (17 1/2) ввергнуты в узилище; нас рассматривают как зверей. Иногда слышишь нелепую, глупую брань, иногда наблюдаешь смущение и даже услужливость. Был [помощник комиссара фронта] Костицын и заявил, что комиссар [Иорданский] приказал не лишать нас физических удобств и велел сказать, что мы будем переданы суду, а пока должны быть спокойны, самоуправство с нами не будет допущено»⁵⁸.

Решающее значение в переводе «бердичевцев» в Быхов в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии сыграло заседание бюро военного отдела Центрального исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшееся 13 (26) сентября 1917 г. Выступивший на нем председатель комиссии Шабловский указывал, что исполком Юго-Западного фронта «требует, чтобы арестованные генералы Деникин, Марков и др. были немедленно преданы суду, не дожидаясь общего дела корниловского восстания». Но, ввиду того, что и «местная следственная комиссия... и Чрезвычайная установили неразрывную связь и прямую зависимость преступления Деникина, Маркова и др. с восстанием генерала Корнилова», нельзя выделить это дело и судить арестованных отдельно от остальных корниловцев. В случае же если исполком фронта «будет настаивать на своем, то в деле останется очень много невыясненного, что главным образом отразится на точном и детальном выяснении всей правды по делу генерала Корнилова; и с юридической точки зрения такое выделение недопустимо»⁵⁹. Член Чрезвычайной комиссии полковник Украинцев призывал бюро военного отдела высказать свое авторитетное мнение и помочь установить правильный порядок разрешения дела. В противовес комиссии выступали председатель исполкома Юго-Западного фронта Дашевский и комиссар фронта Иорданский. Первый указывал: «Местная следственная комиссия настаивает на том, чтобы генералы Деникин и Марков были преданы немедленно военно-революционному суду... независимо от дела Корнилова». Иорданский, подробно рисуя ситуацию на фронте, заключал, что «активность генералов Деникина и Маркова [находится] вне вся-

кого сомнения. Нарушено было оперативное распоряжение, и это создавало опасность наступления неприятеля»⁶⁰.

В итоге после продолжительных прений бюро военного отдела ЦИК признало взаимосвязь между делами Корнилова и «бердичевцев» и настояло на том, «чтобы дело Деникина и других генералов Юго-Западного фронта не выделялось из всего дела Корнилова». Бюро указывало, что «не может признать решающего значения» за указаниями представителей исполкома о настроении «солдатской массы, так как революционная демократия имеет силу и возможность настоять на том, чтобы ни один из участников заговора, будь то генерал или солдат, не избежал самого строгого суда за свое преступление»⁶¹. Раупах считал, что «деникинскую группу спас полк[овник] Украинцев. Умелыми и настойчивыми выступлениями в Петроградском совдепе ему удалось добиться приказа бердичевскому совдепу объединить оба дела»⁶². Решение заседания бюро военного отдела ЦИК было сразу же опубликовано в прессе и стало известно как на Юго-Западном фронте, так и самим «бердичевцам»⁶³.

Накануне перевода деникинской группы обстановка была крайне тревожной. Отчасти этому способствовали и публикации в прессе. «Повезут ли нас сегодня как обещали, и что из этого выйдет?! — записал Марков 27 сентября (10 октября). — Вряд ли товарищи удержатся от диких выпадов, да и далеко не всем приятен наш суд не в Бердичеве»⁶⁴. Раупах в 1928 г. писал: ввиду предстоящего выступления «в бердичевском совдепе Шабловского и члена комиссии Украинцева... газетную кампанию против выделения этого дела мне представлялось целесообразным начать лишь при отрицательном исходе выступления и, во всяком случае, после него»⁶⁵. Однако фактически, газетная кампания за перевод деникинской группы в Быхов началась уже в начале сентября, вызывая крайне настороженную, а временами и агрессивную реакцию со стороны исполкома и солдатских масс. Григорьев вспоминал: опасение того, что «в Бердичеве суд над арестованными закончится самосудом солдатской толпы», было вполне весомым и заставило «часть московской и петроградской прессы повести ожесточенный поход против комиссара Иорданского и военного прокурора генерал-лейтенанта Батога», которым приписывалось стремление «судить генералов в Бердичеве»⁶⁶.

Показательно отношение комиссариата фронта к попытке голландского военного корреспондента Лодевейка Грондейса получить информацию об условиях содержания в заключении Деникина и других «бердичевцев». Ряд газет с интервалом в несколько дней опубликовали почти идентичные заметки о состоявшейся между Иорданским и Грондейсом беседе⁶⁷. «Киевская мысль» подробно сообщала: «Вечером 1 (14) сентября к комиссару Юго-Западного фронта Н. И. Иорданскому явился румын⁶⁸ — офицер голландской службы, состоящий при Ставке главнокомандующего, и заявил, что, по слухам, распространившимся среди офицеров, генералы, арестованные по обвинению в государственной измене, содержатся в крайне плохих условиях и подвергаются оскорблениям солдат караула. Иностранному офицеру просил разрешить ему осмотреть помещение заключенных. В противном случае он угрожал осветить вопрос в европейской прессе. Комиссар ответил иностранному офицеру, что

он признает полную свободу печати и потому предоставляет ему право печатать все, что угодно и где угодно. За собой же комиссар оставляет право возразить, что арестованные генералы находятся в обычных условиях, лишенных свободы русских офицеров, так как помещение, где они содержатся, — помещение военной гауптвахты. Пищу арестованные получают из штабной столовой, то есть оттуда, откуда они получали ее и будучи на свободе. Дисциплинированность же караула не вызывает никаких сомнений, так как караул несут юнкера Житомирской школы прапорщиков. В посещении арестованных в настоящей стадии расследования дела комиссар отказал и выразил непреклонное и решительное мнение, что само обращение к нему по этому вопросу со стороны иностранного офицера является настолько неуместным шагом, что может поставить перед комиссаром вопрос о допустимости дальнейшего пребывания офицера голландской службы в районе русской действующей армии»⁶⁹. Сам Грондейс впоследствии вспоминал, что «после крайне напряженного спора с Иорданским, которого яростно поддерживали красные журналисты» и публикаций в газетах, «требовавших от правительства суровых мер» против него, он «предпочел уехать из России, и уехал на Румынский фронт»⁷⁰.

19 сентября (3 октября) на первой полосе «Голоса фронта» вышла статья известного эсера К. М. Оберучева⁷¹ «Революционеры — не мстители», фактически защищавшая «бердичевцев». «Одно несомненно для меня, что дело этих генералов и офицеров связано тесно, сплетено с главным виновником — генералом Корниловым, — писал автор. — Тут нет двух отдельных дел, а только одно... И если правда, что встречаются препятствия к увозу генералов и офицеров, арестованных в августовские дни на фронте из Бердичева для присоединения к другим арестованным по тому же делу, то это уже носит характер не действительной заботы о правосудии и раскрытии истины, а чего-то иного... оно принимает характер мести начальникам, против которых родилось справедливое негодование. И если чувство мести может быть вполне понятно и объяснимо в малосознательной массе, понятно настолько, что мы были свидетелями даже необузданных самосудов, то среди организованной революционной демократии такого отношения к виновникам быть не может, — и революционная демократия, поскольку она является хранительницей идеалов свободы и права, не должна поддаваться чувству гнева и негодования и совершать акты, носящие характер мести своим политическим противникам. Революционеры никогда не мстили своим врагам»⁷².

22 сентября (5 октября) появилась информация о состоявшемся накануне совместном заседании Московского юридического общества и Всероссийского союза юристов, посвященном делу Корнилова, докладчиком на котором выступил известный юрист С. П. Ордынский. После оживленных прений была принята резолюция, один из пунктов которой гласил: «Соучастники генерала Корнилова должны быть судимы в одном и том же суде и совместно с генералом Корниловым, согласно основным правилам судопроизводства»⁷³. «Местные фронтовые комитеты и комиссар чрезвычайно настойчиво добиваются "автономии" в этом деле, мотивируя необходимость ее настроением войск, — говорилось в посвященной заседанию статье. — Мы не будем ка-

саться этого мотива, ничего общего не имеющего с правосудием... Местный комитет и комиссар необычайно горды энергией, проявленной при отыскании нитей и корней на Юго-Западном фронте. По сообщениям, проникшим в печать, инициатива местных революционных деятелей была такова, что она могла удовлетворить самые взыскательные требования большевиков. Обращает на себя внимание та настойчивость, с которой фронтовой комитет добивается автономии военно-революционного суда в Бердичеве. Спешат и торопятся необычайно»⁷⁴.

Наибольший резонанс получила статья С. П. Ордынского «Они спешат». «Быть может, завтра, послезавтра, — писал автор, — мы уже прочтем в газетах краткое телеграфное известие: “Киев. В Бердичеве военно-революционный суд приговорил генерала Деникина и других, в числе восьми человек, к смертной казни через расстреляние; приговор приведен в исполнение”... Там, в Бердичеве, спешат. Зачем? Там не исполняют повторных требований и главы Временного правительства, и председателя Чрезвычайной следственной комиссии о доставлении Деникина и других в Быхов для совместного расследования и рассмотрения дела. Там спешат. Там готовят скорую расправу... Дело не в Корнилове, Деникине и их соучастниках. Не только в них. Дело в сохранении “прав человека и гражданина”. Тех прав, ради которых живут и борются люди, для воцарения которых вы, члены правительства, поставлены”»⁷⁵.

В тот же день была опубликована еще одна статья, посвященная деникинской группе. «Части войск арестовавшие высказавшихся в пользу генерала Корнилова генералов, не склонны выпускать их из своих рук, — писал автор, — не склонны выполнить требование и правительства, и следственной комиссии, и рассчитывают расправиться с бывшим командующим Юго-Западным фронтом и его единомышленниками военно-революционным судом. Сообщают, что 126-я дивизия уже выбрала состав этого суда; сообщают, что под окнами тюрьмы, где содержатся генералы, уже выкопана яма, и каждый день может принести нам известие, что дело не правосудия, а мести уже совершилось самочинно. Я говорю: дело мести, а не правосудия с полной уверенностью, что так именно и взглянут на самочинную военно-полевую расправу над генералом Деникиным очень широкие слои и русского общества, и все офицерство. Генерал Деникин — одна из гордостей нашей армии, один из лучших боевых офицеров, выносивших на своих плечах нечеловеческие трудности нашей несчастной кампании; он — горячий патриот, стремящийся всеми силами поднять способность развалившейся армии к борьбе и защитить честь и достоинство офицерского корпуса... Деникин и другие генералы, арестованные вместе с ним, должны быть [вывезены] из Бердичева»⁷⁶.

«Вечернее время» накануне перевода деникинской группы в Быхов опубликовало статью, призывавшую власти «спасать» генералов. «Содержатся арестованные в самых ужасных тюремных условиях, подвергаясь издевательствам и угрозам “охраняющих” их солдат, — писал спецкор. — Перед окнами генерала Деникина солдатами выкопана яма, в которую они грозят “захоронить” его как собаку. Перед домом, где содержатся арестованные, устраивались шествия с красными флагами, на которых были только надписи: “Смерть изменникам”,

“Требуем немедленной казни генералов”. Проходя мимо дома, толпа манифестирующих солдат приветствовала своего бывшего главнокомандующего криками “На виселицу”, “К расстрелу”... Настроение солдат было настолько озлобленное против бердичевских “мятежников”, что с часу на час можно ожидать кровавой расправы. И из этих же озлобленных солдат той же... дивизии сформирован военно-революционный суд. Суда можно ожидать в любой день. Он первоначально был назначен на 4 (17) сентября, затем отложен на неделю, потом еще на пять дней. Теперь все приготовления закончены... Время не ждет. Суд уже сформирован, и может быть прежде, чем эти строки дойдут до Петрограда, кровавая расправа в бердичевском революционном застенке уже ляжет мрачным пятном на русскую революцию»⁷⁷. Вслед за этим статья по поводу дела генерала Корнилова и Деникина вышла в газете «День»⁷⁸.

В. А. Костицын, исполнявший должность комиссара Юго-Западного фронта после отъезда в сентябре Иорданского, отвечал опровержениями на наиболее острые материалы. «В газете “Утро России” помещена заметка (речь идет об упомянутой выше статье А. Ф. Дубовского. — *Р. Г.*), что, будто бы, на Юго-Западном фронте уже образован состав военно-революционного суда над генералами Марковым, Деникиным и др. ... для обеспечения жесткого приговора... Костицын с негодованием опровергает это сообщение и привлекает “Утро России” к суду»⁷⁹. В другой заметке он опровергал публикацию Ордынского⁸⁰, назвав сведения, содержащиеся в напечатанной в «Русских ведомостях» статье, «голословными обвинениями» и заявив: «Никакой скорой расправы мы не готовили и не могли готовить. Не нам, людям, много и долго страдавшим от старого режима, повторять все грехи его и ошибки»⁸¹.

Солдатские массы, подготовленные заявлениями исполкома и комиссара фронта к скорой расправе над «бердичевцами», требовали немедленного суда и опасались, что заключенные генералы окажутся «без должного наказания». Одна из заметок, опубликованная в «Голосе фронта» еще 5 (18) сентября, сообщала: «Всякое газетное сообщение, всякий слух об арестованных генералах воспринимаются солдатской массой с болезненной чуткостью и остротой. Неверное сообщение “Южной газеты”⁸² и “Последних новостей”⁸³ о том, будто бы, генералы Деникин, Марков и Орлов перевезены в Петроград, вызвало целую бурю негодования и массу самых нелепых толков. Когда вечером помощник комиссара Юго-Западного фронта Костицын выходил после допроса из здания гауптвахты, где содержатся заключенные генералы, к нему подошел возбужденный солдат с номером “Последних новостей” в руках и настоятельно требовал, чтобы ему было разрешено осмотреть камеры и лично убедиться в том, что генералов никуда не увезли. Подошедший назвал себя депутатом группы солдат, расположенных на Лысой горе, которые настолько возмущены сообщением о переводе генералов в Петроград, что готовы сейчас же разобрать винтовки и расправиться с оставшимися заключенными. Костицыну стоило большого труда успокоить взволнованного солдата»⁸⁴.

В официальном сообщении, опубликованном в конце сентября, сообщалось о телеграмме «министра-председателя Керенского», согласно которой деникинская группа переводилась в Быхов. Известие это «облетело все части

гарнизона Бердичева и вызвало среди солдат заметное волнение». Сообщалось, что исполком фронта, совет солдатских депутатов гарнизона Бердичева и представитель комиссариата подпоручик Громыко 27 сентября (10 октября) созвали митинг «для успокоения солдат». На нем председатель исполкома Дашевский «подробно изложил... причины, вызвавшие перевод арестованных генералов», ознакомил солдат с постановлением по этому вопросу ЦИК Советов и распоряжением Керенского. «После непродолжительного обмена мнений гарнизон согласился на перевод, при обязательном условии, чтобы арестованных генералов сопровождала специальная делегация, выбранная от всех частей здешнего гарнизона»⁸⁵. На этом же митинге гарнизонное собрание приняло резолюцию, отправленную на имя Керенского и ЦИК Советов, в которой указывалось: «Подчиняясь требованию верховного органа демократии — Центральному исполнительному комитету Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов и министру-председателю и верховному главнокомандующему Керенскому, гарнизон города Быхов и части штаба Юго-Западного фронта, передавая изменников-генералов в новые, но те же революционные руки охраны и правосудия, требуют, чтобы генералы Деникин, Марков, Орлов и прочие соучастники корниловского заговора были преданы военно-революционному суду и, как предатели Родины и свободы, получили за свою гнусную измену заслуженное революционное возмездие. Гарнизон города Бердичева и части штаба Юго-Западного фронта верят, что российская демократия [проявит] свою революционную бдительность в деле расследования заговора Корнилова и его соучастников и изменническая генеральская камарилья не избежит заслуженного наказания. Пусть революционная российская демократия докажет, что враги революции, будь то генерал или рядовые солдаты, перед революционным судом равны и за измену Родине и свободе понесут равное наказание»⁸⁶.

Впрочем, последовавшие события показали, что гарнизон Бердичева и чины частей штаба Юго-Западного фронта игнорировали достигнутые договоренности. Фактически они были неподконтрольны органам революционной демократии на фронте. В городе царили «антигенеральские» настроения, устранить которые не могли никакие резолюции и постановления.

Важным фактором, повлиявшим на развитие событий, стал отъезд из Бердичева комиссара фронта Иорданского. Оставшийся исполняющим обязанности комиссара фронта Костицын и помощник комиссара фронта Григорьев были лояльны по отношению к «бердичевцам» и не позволяли себе каких-либо провокационных заявлений по отношению к ним. Григорьев позднее приводил мнение Костицына о «бердичевцах»: «[Он] всегда был убежден в полной их невинности и часто говорил мне, при моих приездах с фронта, что ужасно держать под арестом во время войны с Германией цвет русской армии»⁸⁷. Сам же Григорьев впоследствии признавался, что он всегда был «убежденным сторонником Б. В. Савинкова, который всю свою деятельность на фронте посвятил на поднятие престижа офицерского состава армии и на ликвидацию вредной деятельности комитетов»⁸⁸.

Сложившийся расклад в руководстве комиссариатом сам по себе не гарантировал безопасности «бердичевцам», к тому же исполком фронта фактически уклонился от какой-либо активной роли в предстоящем переезде. Лехович не случайно обращал внимание на то, что проигравший дело и уехавший с фронта Иорданский жестоко отомстил за свою неудачу арестованным, очевидно, подразумевая его влияние на исполком фронта⁸⁹.

На бумаге переезд «бердичевцев» в Быхов выглядел просто: «План перевозки генералов был следующий: в пятом часу дня генералов на автомобилях должны были доставить к экстренному поезду, стоящему на путях в полуверсте от станции. Охрана из юнкеров должна была ехать в третьем классе, арестованные во втором. Поезд был сквозной и не имел остановок ни на одной из крупных станций»⁹⁰.

Однако реальность оказалась гораздо сложнее. По воспоминаниям Григорьева, обстановку накануне переезда накалили действия исполкома, более всего боявшегося, «что его авторитет в глазах бердичевского гарнизона будет поколеблен, если перевод генералов состоится [без его ведома]». Исполком предпринял «ряд мер с целью и себя реабилитировать, и охранить генералов от возможных эксцессов. Эти то меры едва не стали роковыми для генерала Деникина и его помощников»⁹¹. 27 сентября (10 октября) члены исполкома собрали на уже упоминавшийся митинг представителей «многочисленных частей гарнизона и объявили им, что арестованные генералы, согласно воле высших демократических учреждений государства, должны быть переведены в Быхов для суда, и что эту волю необходимо выполнить и подчиниться такому приказу, — вспоминал Григорьев. — Представители гарнизона, частью согласившись с подобным предложением, частью нет, передали делегировавшим их частям каждый в своей обработке известие о предстоящем переводе генералов. В результате получился ряд митингов, в большей части которых было постановлено генералов не выпускать, судить их на месте своим солдатским судом, а в случае сопротивления со стороны караула пустить в ход оружие»⁹². Итогом попыток исполкома предупредить волнения в гарнизоне (а возможно, и наоборот — поднять волнения) стало развертывание к 16 часам у гауптвахты многочисленного митинга солдатской толпы, вооруженной «отчасти винтовками и ручными бомбами». На нем «ряд демагогов призывал солдат к избиению генералов и всех тех, кто станет на их защиту»⁹³.

Драматические подробности перевода генералов из Бердичева в Быхов в основном известны из «Очерков русской смуты» генерала Деникина⁹⁴. Другой участник событий, генерал Марков в дневниковых записях крайне лаконично зафиксировал свой переезд в Быхов. «В 7 час. 30 мин. вечера нас повели на вокзал — пять верст пути на Голгофу»⁹⁵, — записал генерал 27 сентября (10 октября). — Мытарства на станции, пересадка из вагона в вагон. Уехали в товарном вагоне... Еще ночью в Житомире нас пересадили в теплушку. С нами, кроме юнкеров, едут пом[ощник] комиссара [фронта] Григорьев и человек 12 делегатов от бердичевской сволочи»⁹⁶. «Юнкера держат себя очень хорошо. Мальчики понимают, что ждет их, и видят, что мы представляем собою», — фиксировал Марков в записи от 28 сентября (10 октября)⁹⁷.

Существенно дополнить картину переезда бердичевских узников позволяют публикации в прессе⁹⁸. «Голос фронта» 29 сентября (12 октября) сообщал: «Перевод арестованных генералов, как это ни печально, несмотря на обещания гарнизона соблюдать порядок, в последний момент завершился дикой сценой»⁹⁹. Газета полностью опубликовала официальное донесение временно исполняющего должность комиссара фронта В. А. Костицына, отправленное по телеграфу на имя военного министра генерал-майора А. И. Верховского и верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского:

«Генералы Деникин, Марков, Орлов, Эльснер, Ванновский, Эрдели и поручик Клецанда отправлены особым поездом в 10 часов вечера, после четырехчасовых переговоров с возбужденной и подстрекаемой опытными провокаторами толпой, — сообщал Костицын. — Эти четыре часа мы все находились под угрозой самосуда. После получения телеграммы на [чальника] шта[ба] в [ерховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина] мы начали готовить перевоз. Собрали комитеты частей гарнизона и заручились их согласием. В «Голосе фронта» были помещены соответствующие заметки. Сегодня был устроен объезд всех частей гарнизона и с них было взято обещание не препятствовать переводу и свято выполнить волю Временного правительства. В свою очередь, им было дано обещание, что их представители поедут вместе с арестованными, и представители были ими избраны. Когда я около 6 часов вечера прибыл к зданию гауптвахты, я застал там огромную толпу возбужденных солдат, кричавших «Зачем автомобили? Ведите из пешком!» В толпе был солдат, раненный 28 августа (11 сентября) поручиком Клецанда. Он кричал, что суд должен быть тут же на месте и требовал голову поручика Клецанда. Многочисленные провокаторы подстрекали к немедленному самосуду. После уговоров моих и некоторых разумных солдат толпа согласилась было пропустить заключенных, но при условии вести их пешком. Я дал на это согласие и, в свою очередь, потребовал честного солдатского слова, что никакого самосуда, никаких выкриков не будет. К этому моменту стали собираться новые толпы, и мне сообщали, что у многих есть под шинелями винтовки, револьверы, ручные гранаты и что в задних рядах идет та же агитация.

Понадобились новые уговоры, в которых принял длительное участие прибывший к этому моменту помощник комиссара доктор Григорьев и делопроизводитель комиссариата подпоручик Громыко. Толпа опять дала слово, что не будет самосуда, не будет эксцессов, и я распорядился выводить заключенных. Окруженные вооруженными юнкерами, они вышли, и вместе с ними толпа двинулась к вокзалу. Это был не путь, а Голгофа. Толпа росла, из нее раздавались непрерывные оскорбления по адресу арестованных. Было брошено несколько камней и произведен провокаторский выстрел. На вокзале новые требования: «Зачем классный вагон? Дать им арестантский или товарный!» Уговоры оказались бесполезными и пришлось уступить. Толпа соглашалась дать уйти поезду, если будет дан товарный вагон, но провокаторы начали требовать арестантского вагона, которого не было, и возбуждать к самосуду надо мной и чинами комиссариата. Меня отстояли юнкера, а подпоручика Громыко солдаты утащили, и его спасла лишь принадлежность к Петроградскому совету рабочих

и солдатских депутатов. Понадобились новые уговоры, и после пересадки в товарный вагон поезд был отправлен. В этот момент было дано два провокаторских выстрела, к счастью, никого не ранивших. У нас была возможность пустить в ход вооруженную силу — две роты юнкеров, и поле, конечно, осталось бы за нами, но потом был бы разгром города и избиение юнкеров и офицеров по всему фронту. Поэтому я предпочел бескровный путь с уступками, пока можно было уступать, и с твердой решимостью прибегнуть к силе лишь в последней крайности. Я счастлив, что этого удалось избежать. Доношу о самоотверженной работе всех чинов комиссариата и о выдержанности и стойкости юнкеров 2-й Житомирской школы прапорщиков»¹⁰⁰.

Кроме того, пресса писала: «Подробности дикого шествия, как выяснено, представляются в следующем виде: после бесконечных переговоров с возбужденной толпой солдат, после всяческих мер, которые принимались чинами комиссариата и членами фронтового исполнительного комитета к успокоению разгоревшихся страстей, арестованные генералы были выведены из помещения гауптвахты. Раздался невообразимый взрыв криков негодования, ругательств, свист и улюлюканье. Конвоируемые юнкерами и бронированным автомобилем, генералы двинулись пешком по дороге. Деникин и Марков шли рядом, остальные вслед за ними по одному. Возбужденная, кричащая толпа тесно окружила их со всех сторон, и шествие, горячим клубком покатилося с Лысой горы по направлению к городу. Был уже вечер, наступила темнота, и движение толпы представляло жуткое зрелище. Кто-то сказал, чтобы следовавший сзади бронированный автомобиль открыл прожекторы. Брызнули два длинных снопа яркого света и сосредоточились на идущих генералах. Провести арестованных к вокзалу по кратчайшей дороге толпа не позволила. “Вести их по главным улицам, чтобы все видели!..” — кричали настойчиво, гневно, беспорядочно. “Пусть идут кругом. Пусть узнают, что такое пехотный шаг! Нас не так еще водили...” Повернули по Махновской улице в противоположную от вокзала сторону. Потом вышли на Белопольскую. Толпа непрерывно кричала, свистала. Слышались отдельные восклицания: “Деникин, выше голову!” “Марков, тверже ногу! Шире шаг, иди веселей!” Пробовали петь “Марсельезу”. Вместо пения вспыхивал нестройный, сумбурный рев и сейчас же обрывался. На Белопольской кто-то несколько раз крикнул в толпе: “Долой Временное правительство!” Оскорбительным и бранным возгласам по адресу арестованных не было конца. Когда на пути встречались лужи грязи, толпа не позволяла конвоирам обходить стороной. “Веди их по грязи! По грязи веди!.. Пусть помесят генеральскими ногами. Мы не мало месили...” На вокзале началось что-то невероятное. Толпа требовала, чтобы генералы были помещены непременно в арестантский вагон. Подпоручик Громыко, служащий в комиссариате, начал убеждать, что на станции нет арестантского вагона и что арестованные будут перевезены в обыкновенной теплушке, с чем почти все стоявшие вблизи его согласились. Лишь кто-то один из густой массы народа, одетый в военную форму, крикнул в толпу: “Врет он! Обманывает!.. Арестантский вагон есть. Я сам видел. Он защищает генералов, за изменников стоит!” Достаточно было этого никем не проверенного выкрика, как толпа набросилась на подпоручика Громыко,

стала бить, сорвала с него погоны и стащила на перрон. По счастью, вблизи оказалось несколько солдат, знавших подпоручика Громыко в лицо. Рискуя собственной жизнью, они бросились в разъяренную толпу и вырвали избиваемого. У дежурного по станции были наведены справки, причем оказалось, что арестантского вагона нет не только в Бердичеве, но и вообще ни на одной из ближайших станций. Волнение не прекращалось. Шум, гам, ругательства и свист стояли в воздухе. Когда временно исполняющий обязанности комиссара Костицын именем Временного правительства приказывал толпе разойтись и не устраивать беспорядка, в ответ слышались крики: «Мы тебе разойдемся! Мы так разойдемся, что у тебя голова вспухнет! Арестовать комиссара! Какой он комиссар, он за бунтовщиков старается!..» Только исключительное самообладание спасло Костицына от самосуда. В 10 часов вечера под крики, свист, брань и улюлюканье поезд с арестованными генералами отошел от станции»¹⁰¹.

Дополнительные подробности переезда сообщает помощник комиссара Григорьев. Ко времени его появления у гауптвахты вокруг нее «буквально кипело море человеческих голов»¹⁰². Григорьев пишет: «[У гауптвахты я] нашел совершенно охрипших и выбившихся из сил помощника комиссара Костицына, подпоручика Громыко... и председателя фронтового комитета солдата Дашевского... Костицын заявил мне, что когда он приехал с тремя автомобилями, чтобы везти генералов, то толпа окружила автомобили и потребовала, чтобы генералов вели пешком на станцию. Костицын отказался наотрез и заявил, что распоряжается один только он и поэтому никто не может давать ему указаний. Тогда солдаты схватили автомобили, заставили шоферов отвести их в сторону и начали угрожать самому Костицыну... Солдаты требовали вывода арестованных, грозя в противном случае разнести гауптвахту. В результате всего Костицын сильно устал и разнервничался, и поручил дальнейшее ведение всего дела мне. [К тому времени] члены комитета, пользуясь наступающей темнотой, незаметно распылились и в помещение гауптвахты остались только чины комиссариата, начальник гарнизона и караул. За стеной толпа бушевала все больше, и больше, и больше. Часть солдат побежала вооружаться. Ясно было, что с наступлением темноты они... будут обстреливать гауптвахту, выдержать осаду в которой было бы весьма трудно. [После короткого совещания] решено было генералов вывести, окружить их двумя ротами юнкеров и провести пешком, так как об автомобилях не приходилось и думать... Я вышел к толпе и объявил, что арестованных сейчас поведут пешком на вокзал. Толпа встретила это заявление криком «ура»»¹⁰³.

«Шествие тронулось, — вспоминал Григорьев. — Толпа окружила караул и пошла, наваливаясь на маленькую группу людей, охраняющих арестованных. Совсем уж стемнело и в толпе то и дело начали вспыхивать насмешливые замечания по адресу генералов. К тому же из темноты кто-то выстрелил по направлению к толпе, которая еще больше загудела и заволновалась. Члены комиссариата и часть офицерства шли в толпе и все время напоминали ей о солдатском слове, что немного сдерживало солдат... В воздухе мелькали палки и камни. Одним из камней генералу Орлову рассекли левый висок, генерала Ванновского схватили за руку и едва не выдернули из рядов юнкеров.

А вокруг бесновались помимо солдат разные темные личности и огромное количество уличных мальчишек, оглушительно свиставших и оравших на разные лады. В воздухе все время висела крупная брань. Сзади у последней шеренги юнкеров караула медленно полз броневой пулеметный автомобиль... Верхние фонари броневика были открыты и освещали группу арестованных и караул, что и спасло их, немного сдерживая колоссальную толпу»¹⁰⁴. На вокзале Бердичева, по описанию Григорьева, обстановка предельно накалилась: «Опять пришлось говорить с толпой, которая выставила очередное требование везти генералов в арестантском вагоне. Такого на станции не было, но это соображение не оставляло толпу. [Она] потребовала, чтобы генералов на их глазах переводили в товарные вагоны. При этом многие, не понижая голоса, высказывали уверенность, что тут-то они прикончат их самосудом. Наступало самое критическое время. Мы согласились на перевод арестованных в товарные вагоны... И вот тогда я опросил караул и убедился, что за все это время он не пал духом и будет стрелять по первому моему приказанию... Мы открыли в товарных вагонах двери и приготовились к моменту перехода арестованных из классных вагонов в товарные. Генералы выходили из своего вагона с уверенностью, что идут на верную смерть. Мы их быстро провели среди толпы, причем при посадке их в вагоны часть солдат прорвала шеренгу юнкеров и почти смяла нас»¹⁰⁵.

Переезд деникинской группы в Быхов состоялся лишь благодаря действиям фронтового комиссариата и твердой позиции Костицына, за что он был отдельно отмечен телеграммой начальника штаба Ставки генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина: «Главковерх приказал передать вам и членам вверенного вам комиссариата от его имени благодарность за энергичную, самоотверженную деятельность по охране арестованных генералов и организации их отправления на новое место содержания на гауптвахте». Объявлявший эту телеграмму по комиссариату Иорданский высказал отдельную благодарность участникам перевода: «...как временно исполняющему должность комиссара помощнику моему Костицыну, так и помощнику Григорьеву, начальнику 2-го отдела полковнику Шестоперову, обер-офицеру прапорщику Каплину, делопроизводителю подпоручику Громыко за то, что при отправлении арестованных генералов они с опасностью для собственной жизни, подвергаясь нападкам возбужденной провокаторами толпы, охраняли жизнь арестованных генералов и с мужественным достоинством поддерживали авторитет революционной власти»¹⁰⁶. Григорьев признавал: «Организация перевода из Бердичева в Быхов, хотя и была на ответственности комиссариата, но производилась теми людьми, которые не сообразили всей опасности момента (такowymi были начальник гарнизона и члены фронтового комитета). Несомненно для меня было, что перевод нужно было сделать ночью и без всякого шума»¹⁰⁷.

Сам Иорданский вернулся в Бердичев и вступил в исполнение обязанностей комиссара фронта спустя три дня после перевода деникинской группы — 30 сентября (13 октября)¹⁰⁸, предусмотрительно избежав личного участия в организации переезда и возможной ответственности за расправу над «бердичевцами». Примечательно, что уже после перевода «бердичевцев» критика его попыток устроить над ней независимый суд рассматривалась фронтовой де-

мократией как «поход против Иорданского». «Деятельность Н. И. Иорданского и решительные меры, принятые им в дни выступления генерала Корнилова и его сторонников на Юго-Западном фронте... вызвали со стороны петроградских штабных кругов и лиц, близких к генералам, замешанным в заговоре... усиленную агитацию против Иорданского»¹⁰⁹. «Голос фронта» приводил резолюцию бюро Военного отдела ЦИК, посчитавшего «деятельность товарища Иорданского вполне соответствовавшей данной обстановке» и предлагавшего «товарищу Иорданскому продолжать свою деятельность и впредь в том же направлении»¹¹⁰.

Дело бердичевских узников в августе — сентябре 1917 г. — лишь один из эпизодов Корниловского выступления и шире — Великой российской революции. Вполне очевидно, что арестованная в Бердичеве «фронтальной демократией» деникинская группа должна была стать своеобразной искупительной жертвой со стороны офицерства за участие в «корниловщине» и за другие проявления «контрреволюционности». Скорый на расправу «военно-революционный суд» был для «бердичевцев» гораздо более реальной перспективой, чем настоящее расследование их дела. Только настойчивость Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова позволила ей заручиться поддержкой со стороны ЦИК Советов в решении о переводе деникинской группы из Бердичева в Быхов. Впрочем, это решение вполне могло остаться лишь на бумаге. «Бердичевцы» смогли уехать из города, в котором царили «антигенеральские» настроения, только благодаря действиям стоявшего во главе комиссариата фронта В. А. Костицына, помощника комиссара фронта Н. С. Григорьева и других сотрудников комиссариата, проявивших принципиальность в выполнении порученного им распоряжения. Ожидавшие «скорой» и «справедливой» расправы над «бердичевцами» солдатские массы фронта, подогретые революционной прессой и неосторожными высказываниями лидеров «фронтальной демократии», были крайне разочарованы совершившейся на их глазах уходом генералов от «справедливого революционного суда». Своеобразным символом «расплаты» в том числе и за эту «несправедливость» стал самосуд солдатской толпы в ноябре 1917 г. над верховным главнокомандующим русской армии генерал-лейтенантом Духониным.

¹ В современной литературе в равной степени используются и традиционное для отечественной историографии понятие «Корниловский мятеж» (см., напр.: *Сенин А. С. Мятеж Корниловский // Россия в 1917 году: энциклопедия / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2017. С. 604–608*) и более нейтральное «Корниловское выступление» (см., напр.: *Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917—1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 110–130*).

² Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 — июнь 1918 г.: в 2 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова; отв. сост. Ю. Г. Орлова; сост. О. К. Иванцова, М. В. Тихонова, В. М. Хрусталева. М., 2003.

³ Несмотря на сравнительную изученность Корниловского выступления, в XXI в. почти нет отдельных работ, посвященных ему. Исключение составляет переиздание на русском языке работы Г. М. Каткова, написанной еще в 1980 г. (*Катков Г. М. Дело Корнилова. 2-е изд. М.,*

2002). Вместе с тем различным аспектам дела Корнилова уделяется большое внимание в ряде статей и книг, посвященных исследованию биографий Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, А. Ф. Керенского и др., а также в общих работах, посвященных Великой российской революции 1917 г. См., напр.: *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 336–373; *Ипполитов Г. М.* Деникин. М., 2006. С. 248–265; *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Корнилов. 2-е изд. М., 2012. С. 147–244; *Цветков В. Ж.* Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Часть третья // Русская линия. Православное информационное агентство. 24.11.2009. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=424563> (дата обращения: 08.01.2019); *Шубин А. В.* Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г. М., 2014. С. 326–368; и др.

⁴ См., напр.: *Колоницкий Б. И.* Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В. В. Калашников; под ред. Д. Н. Меньшикова. СПб., 2018. С. 79.

⁵ Документы выявлены А. В. Ганиным в ходе архивных изысканий в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке в коллекции прокурора Р. Р. фон Раупаха. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Допрос генерал-лейтенанта Деникина // Родина. 2017. № 8. С. 15–18; «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...». Документы по делу об участниках выступления генерала Л. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / подгот. к публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3–34; *Ганин А. В.* «Не могу утверждать, что это был определенный контрреволюционный заговор». Следственные материалы по делу сторонников генерала Л. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 22–30.

⁶ Ныне микрорайон Красная гора в Бердичеве.

⁷ Подробности ареста // Бюллетень «Армейского вестника». 1917. 30 авг. (12 сент.). С. 1. — Этот же текст был опубликован и другими газетами: Арест командного состава Юго-Западного фронта // Киевская мысль. 1917. № 211. 30 авг. (12 сент.). С. 3.

⁸ *Костицын В. А.* «Мое утраченное счастье...»: воспоминания, дневники. Т. 1 / вступ. статья, подгот. текста, коммент. В. Л. Гениса. М., 2017. С. 64.

⁹ В публикации его фамилия ошибочно указана как «Дешевов».

¹⁰ Арест командного состава Юго-Западного фронта. С. 3.

¹¹ Сообщение Исполнительного комитета Юго-Западного фронта о событиях дня // Армейский вестник. 1917. № 615. 31 авг. (13 сент.). С. 2.

¹² Речь. 1917. 5 (18) сент. № 208. С. 3–4.

¹³ Ко всем солдатам и офицерам Юго-Западного фронта // Голос фронта. 1917. 1 (14) сент. № 1. С. 3.

¹⁴ *Ганин А. В.* «Не могу утверждать...». С. 29.

¹⁵ *Дубовской А. [Ф.]* Непонятый (генерал А. И. Деникин) // Утро России. 1917. 17 (30) сент. № 224. С. 4. — Часть заметки, посвященная взаимоотношениям Деникина с комитетом и комиссариатом фронта, была перепечатана другими газетами: Ликвидация выступления генерала Корнилова // Речь. 1917. 20 сент. (3 окт.). № 221. С. 3.

¹⁶ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 111.

¹⁷ «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...». С. 28.

¹⁸ *Лехович Д.* Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2004. С. 203.

¹⁹ Дело генерала Л. Г. Корнилова... Т. 1. С. 446.

²⁰ *Иванцова О. К.* Введение // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 9.

²¹ *Ганин А. В.* «Не могу утверждать...». С. 24.

²² Телеграмма, посланная исполнительным комитетом Юго-Западного фронта председателю Совета министров // Голос фронта. 1917. 1 (14) сент. № 1. С. 3.

²³ Там же.

²⁴ В комиссариате Юго-Западного фронта // Голос фронта. 1917. 2 (15) сент. № 2. С. 3.

²⁵ Самочинные аресты // Голос фронта. 1917. 6 (19) сент. № 5. С. 3.

²⁶ «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...». С. 9.

²⁷ Состав комиссии публиковался: Речь. 1917. 3 (16) сент. № 207. С. 4; Расследование мятежа // Киевская мысль. 1917. 2 (15) сент. № 214. С. 2.

- ²⁸ Голос фронта. 1917. 10 (23) сент. № 9. С. 1.
- ²⁹ Телеграмма, отправленная комиссаром Юго-Западного фронта Н. Иорданским и исполнителем комитета министру-председателю Керенскому и Центральному исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов // Голос фронта. 1917. 1 (14) сент. № 1. С. 3; Требования суда над корниловцами // Русские ведомости. 1917. 2 (15) сент. № 201. С. 2.
- ³⁰ Дело генералов Деникина, Маркова и др. // Киевская мысль. 1917. 12 (25) сент. № 221. С. 4.
- ³¹ Речь. 1917. 3 (16) сент. № 207. С. 4.
- ³² Лехович Д. Деникин. С. 203.
- ³³ Там же. С. 206.
- ³⁴ Генерал-майор Д. Д. Сергиевский, к осени 1917 г. — начальник канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта.
- ³⁵ Генерал-лейтенант И. В. Павский, к осени 1917 г. — помощник главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта.
- ³⁶ Освобождение генералов Сергиевского и Павского // Голос фронта. 1917. 9 (22) сент. № 8. С. 3.
- ³⁷ Григорьев Н. С. Бердичевское дело (материалы по делу об аресте и переводе в город Быхов генерала Деникина // Военные ведомости. 1919. 18 янв. № 44. С. 2.
- ³⁸ Катков Г. М. Дело Корнилова. С. 139.
- ³⁹ Вероятно, речь идет о штабс-капитане Павле Андреевиче Павлове (1892–1924); в 1917 г. — член комитетов (от полкового, до фронтового), впоследствии — советский военный специалист.
- ⁴⁰ Суд над генералами // Голос фронта. 1917. 5 (18) сент. № 4. С. 4.
- ⁴¹ «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...». С. 5.
- ⁴² Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 51.
- ⁴³ Там же. С. 101–102.
- ⁴⁴ Там же. С. 62.
- ⁴⁵ Там же. С. 372.
- ⁴⁶ Дело генералов Деникина, Маркова и др. // Киевская мысль. 1917. 12 (25) сент. № 221. С. 4.
- ⁴⁷ Григорьев Н. С. Бердичевское дело... С. 2.
- ⁴⁸ Дело генералов Деникина, Маркова и др. // Киевская мысль. 1917. 12 (25) сент. № 221. С. 4.
- ⁴⁹ Речь. 1917. 13 (26) сент. № 215. С. 3.
- ⁵⁰ Вопрос о суде над Деникиным и др. // Киевская мысль. 1917. 12 (25) сент. № 221. С. 3.
- ⁵¹ Заключение генералы // Голос фронта. 1917. 3 (16) сент. № 3. С. 3. — Заметка с небольшими сокращениями была перепечатана: Русские ведомости. 1917. 5 (18) сент. № 203. С. 2.
- ⁵² Передача дела о заговоре в военно-революционный суд // Голос фронта. 1917. 3 (15) сент. № 3. С. 3.
- ⁵³ Русские ведомости. 1917. 6 (19) сент. № 204. С. 3.
- ⁵⁴ Ликвидация заговора // Русские ведомости. 1917. 7 (20) сент. № 205. С. 2.
- ⁵⁵ К аресту генералов Деникина, Маркова и Орлова // Русские ведомости. 1917. 8 (21) сент. № 206. С. 4.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Подробнее см: Гагкуев Р. Г., Ушаков А. И. «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой?». Выдержки из дневника генерала С. Л. Маркова за 1917 г. // Связь эпох. Исторический альманах. 2018. № 1. Октябрь — декабрь. С. 65–86.
- ⁵⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–7 об.
- ⁵⁹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 68.
- ⁶⁰ Там же. С. 69.
- ⁶¹ Там же. С. 70.
- ⁶² «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...». С. 7.

- ⁶³ Дело генералов Деникина и Маркова // Русские ведомости. 1917. 16 (29) сент. № 211. С. 4–5; Дело генералов Деникина, Маркова и др. // Русские ведомости. 1917. 19 сент. (2 окт.). № 213. С. 5; Перевод Деникина и Маркова в Быхов // Голос фронта. 1917. 26 сент. (9 окт.). № 21. С. 4; и др.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 9 об.
- ⁶⁵ «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...». С. 6.
- ⁶⁶ Григорьев Н. С. Бердичевское дело... С. 2.
- ⁶⁷ Попытка вмешательства // Голос фронта. 1917. 2 (15) сент. № 2. С. 3; Дело генерала Корнилова // Русские ведомости. 1917. 7 (20) сент. № 205. С. 2.
- ⁶⁸ Так автор заметки по каким-то причинам определил национальность голландца Грондейса.
- ⁶⁹ Вмешательство иностранного офицера // Киевская мысль. 1917. 2 (15) сент. № 214. С. 4.
- ⁷⁰ Грондейс Л. Война в России и Сибири / под науч. ред. Р. Г. Гагкуева; сост., ред., примеч. и коммент. Р. Г. Гагкуев; пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой; пер. с голл. В. И. Габышева. М., 2018. С. 134.
- ⁷¹ Произведен в 1917 г. Временным правительством в генерал-майоры и назначен командующим войсками Киевского военного округа.
- ⁷² Оберучев К. М. Революционеры — не мстители // Голос фронта. 1917. 19 сент. (2 окт.). № 15. С. 1.
- ⁷³ К делу генерала Корнилова // Русские ведомости. 1917. 22 сент. (5 окт.). № 216. С. 5. — О заседании см. также: О суде над Корниловым // Утро России. 1917. 22 сент. (5 окт.). № 228. С. 4.
- ⁷⁴ Г-н М. К делу генерала Корнилова // Речь. 1917. 27 сент. (10 окт.). № 227. С. 2.
- ⁷⁵ Ордынский С. П. Они спешат (к делу генерала Корнилова и его сообщников) // Русские ведомости. 1917. 27 сент. (10 окт.). № 220. С. 3. — Полный текст статьи опубликован в: Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 70–72.
- ⁷⁶ Белоруссов. Месть или правосудие? // Русские ведомости. 1917. 27 сент. (10 окт.). № 220. С. 3.
- ⁷⁷ Н. К. Бердичевский застенок (от нашего корреспондента) // Вечернее время. 1917. 26 сент. (9 окт.). № 1934. С. 1.
- ⁷⁸ Водовозов В. Суд и дело генерала Корнилова // День. 1917. 27 сент. (10 окт.). № 174. С. 1.
- ⁷⁹ Ложные сведения // Голос фронта. 1917. 26 сент. (9 окт.). № 21. С. 4.
- ⁸⁰ См. также его статью: Ордынский С. П. Какой суд должен судить генерала Корнилова // Русские ведомости. 1917. 17 (30) сент. № 212. С. 3.
- ⁸¹ Опровержение // Голос фронта. 1917. 30 сент. (13 окт.). № 25. С. 3.
- ⁸² На осень 1917 г. издавалась в Киеве.
- ⁸³ Возможно, ошибка в названии газеты.
- ⁸⁴ Неверное сообщение // Голос фронта. 1917. 5 сент. № 4. С. 4. — Это же сообщение было напечатано в: Настроение солдатских масс // Киевская мысль. 1917. 5 (18) сент. № 216. С. 3.
- ⁸⁵ Перевод генералов Деникина, Маркова и других в Быхов // Голос фронта. 1917. 28 сент. № 23. С. 4.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Григорьев Н. С. Бердичевское дело... С. 2.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Лехович Д. Деникин. С. 209.
- ⁹⁰ Григорьев Н. С. Бердичевское дело... С. 2.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917) / науч. ред., предисл. А. С. Пученкова. М., 2017. С. 572–573.
- ⁹⁵ Согласно заметке А. Деренталья (псевдоним А. А. Дикгофа, заведующего отделом печати Ставки главковерха), вместе с заключенными с гауптвахты на вокзал во избежание кровопролития пешком проследовал и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта гене-

рал-лейтенант Н. Г. Володченко: К переводу генерала Деникина в Быхов // Русские ведомости. 1917. 30 сент. (13 окт.). № 223. С. 3.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 9 об. — Речь идет о делегатах гарнизона Бердичева, сопровождавших переезд арестованных в Быхов.

⁹⁷ Там же. Л. 10.

⁹⁸ Материалы о переводе заключенных из Бердичева в Быхов, описывавшие это событие с разной степенью подробности, вышли во всех центральных газетах. См., напр.: Речь. 1917. 30 сент. (13 окт.). № 230. С. 3.

⁹⁹ Перевод арестованных генералов // Голос фронта. 1917. 29 сент. (12 окт.). № 24. С. 1.

¹⁰⁰ Там же. С. 1. — Одновременно информация была опубликована и другими газетами: Подробности перевода генералов-корниловцев // Киевская мысль. 1917. 29 сент. (12 окт.). № 235. С. 3.

¹⁰¹ Перевод арестованных генералов // Голос фронта. 1917. 29 сент. (12 окт.). № 24. С. 1–2.

¹⁰² Григорьев Н. С. Бердичевское дело... С. 2.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ К делу генералов Деникина, Маркова и др. // Голос фронта. 1917. 4 (17) окт. № 28. С. 4.

¹⁰⁷ Григорьев Н. С. Бердичевское дело... С. 2.

¹⁰⁸ Возвращение комиссара Юго-Западного фронта // Голос фронта. 1917. 1 (14) окт. № 26. С. 3.

¹⁰⁹ Поход против Н. И. Иорданского // Голос фронта. 1917. 3 (16) окт. № 27. С. 4.

¹¹⁰ Там же.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2018 г.

Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гагуев Р. Г. Бердичевские узники: арест генерала А. И. Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в дни Корниловского выступления (август — сентябрь 1917 г.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 312–339.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.202>
УДК 94(47).084.3

Аннотация: Статья посвящена одному из эпизодов Корниловского выступления (мятежа) на Юго-Западном фронте. Результатом выступления стал арест в конце августа 1917 г. в Бердичеве поддержавших генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова главкома армий Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта А. И. Деникина, начальника его штаба генерал-лейтенанта С. Л. Маркова, а также других офицеров штаба фронта. Особое внимание уделено позиции исполнительного комитета Юго-Западного фронта и руководства комиссариата Юго-Западного фронта, считавших необходимым самостоятельно расследовать участие Деникина и его соратников в Корниловском заговоре, а затем и провести военно-революционный суд над «бердичевцами». Прямо противоположную позицию занимала Чрезвычайная следственная комиссия по делу Корнилова во главе с И. С. Шабловским, созданная Временным правительством. Комиссии удалось добиться решения правительства и бюро военного отдела Центрального исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о переводе деникинской группы из Бердичева в Быхов, где находилась в заключении основная группа заговорщиков во главе с Корниловым. Подробно рассматривается переезд деникинской группы в Быхов в конце сентября, едва не закончившийся для нее трагически; приводятся опубликованные в прессе свидетельства очевидцев и официальный рапорт о переводе. Автор приходит к выводу, что арестованная в Бердичеве «фронтовой демократией» деникинская группа должна была стать своеобразной купительной жертвой со стороны офицерства за участие в «корниловщине» и другие проявления «контрреволюционности». При подготовке статьи использовались материалы периодики 1917 г., а также документы и воспоминания, посвященные бердичевскому эпизоду Корниловского выступления.

Ключевые слова: Корниловское выступление, Юго-Западный фронт, исполнительный комитет, советы солдатских депутатов.

Сведения об авторе: Гаккуев Р. Г. — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия); gagkuev@yandex.ru

Институт Российской истории РАН, Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

FOR CITATION

Gagkuev R. G. 'Berdychiv Prisoners: Arrest of General A. I. Denikin and Staff Officers of the Southwestern Front during the Kornilov Affair. August-September 1917', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 312–339. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.202>

Abstract: Using the materials from periodicals from 1917, as well as the documents and memoirs devoted to the "Berdychiv episode" of the Kornilov Affair, this article covers one of the episodes of the Kornilov Affair (or Kornilov Putsch) at the Southwestern Front. The arrests of Lieutenant General A. I. Denikin, Commander of the armies of the Southwestern Front, Chief of Staff Lieutenant General S. L. Markov, and other staff officers supporting General L. G. Kornilov resulted from the Affair at the end of August 1917 in Berdychiv. The article pays special attention to the position of the Executive Committee of the Southwestern Front and the heads of the Enlistment Office of the Southwestern Front, who considered it necessary to investigate the participation of Denikin and his associates in the Kornilov Affair, and then to conduct a military and revolutionary trial over the conspirators in Berdychiv. Having been established by the Provisional Government, the Special Commission of Inquiry, headed by I. S. Shablovskii, upheld the opposite position. The Commission succeeded in obtaining the decision of the Government and Bureau of the Military Department of the Central Executive Committee of the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies to transfer the "Denikin Group" from Berdychiv to Bykhov. This transfer at the end of September almost ended in tragedy.

Keywords: Kornilov Affair, Kornilov, Southwestern Front, Berdychiv, Executive Committee, A. I. Denikin, S. L. Markov, N. I. Iordansky, V. A. Kostitsyn.

Author: Gagkuev R. G. — Dr. Sci. in History, Leading Researcher, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); gagkuev@yandex.ru

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russia

References:

- "Chuvstvovalos', chto general Markov chto-to gotovit...". Dokumenty po delu ob uchastnikakh vystupleniia generala L. G. Kornilova na lugo-Zapadnom fronte v avguste 1917 g., Publ. A. V. Ganin, *Istoricheskii arkhiv*, no. 6, 2017.
- Delo generala L. G. Kornilova. Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komissii po rassledovaniuu dela o byvshem Verkhovnom glavnokomanduiushchem generale L. G. Kornilove i ego souchastnikakh. Avgust 1917 — iyun' 1918 g.*, in 2 vols, ed. G. N. Sevostyanov, comp. Yu. G. Orlov, O. K. Ivantsov, M. V. Tikhonov, V. M. Khrustalev (Moscow, 2003).
- Denikin A. I. *Ocherki russkoi smuty*, vol. 1: *Krushenie vlasti i armii (fevral'—sentiabr' 1917)*, ed., intr. A. S. Puchenkov (Moscow, 2017).
- Gagkuev R. G., Ushakov A. I. "Ia veriu, chto vse budet khorosho, no boiuis' — kakoi tsenoi?". Vyderzhki iz dnevnika generala S. L. Markova za 1917 g.', *Sviaz' epokh. Istoricheskii al'manakh*, no. 1: October — December, 2018.
- Ganin A. V. 'Dopros general-leitenanta Denikina', *Rodina*, no. 8, 2017.
- Ganin A. V. "Ne mogu utverzhdat', chto eto byl opredelennyi kontrrevoliutsionnyi zagovor". Sledstvennye materialy po delu storonnikov generala L. G. Kornilova na lugo-Zapadnom fronte', *Voenna-istoricheskii zhurnal*, no. 12, 2018.
- Grebenkin I. N. *Dolg i vybor: russkii oftser v gody mirovoi voiny i revoliutsii. 1914–1918 gg.* (Moscow, 2015).
- Grondeis L. *Voina v Rossii i Sibiri*. ed. R. G. Gagkuev, transl. M. Yu. Kozhevnikova, V. I. Gabyshev (Moscow, 2018).
- Ippolitov G. M. *Denikin* (Moscow, 2006).

Katkov G. M. *Delo Kornilova*, 2nd ed. (Moscow, 2002).

Kolonitskiy B. I. 'Osnovnye problemy istoriografii Grazhdanskoi voiny v Rossii v voprosakh i otvetakh', *Grazhdanskaia voina v Rossii: vzgliad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii*, ed. V. V. Kalashnikov, D. N. Menshikov (St. Petersburg, 2018).

Kostitsyn V. A. "Moe utrachennoe schast'e...": vospominaniia, dnevniki, vol. 1, intr., comm. V. L. Genis (Moscow, 2017).

Lekhovich D. *Denikin. Zhizn' russkogo ofitsera* (Moscow, 2004).

Senin A. S. 'Miatezh Kornilovskii', *Rossia v 1917 godu: entsiklopediia*, ed. A. K. Sorokin (Moscow, 2017).

Tsvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii. 1917–1918 gg. (formirovanie i evoliutsiia politicheskikh struktur Belogo dvizheniia v Rossii)* (Moscow, 2008).

Shubin A. V. *Velikaia rossiiskaia revoliutsiia: ot Fevralia k Oktiabriu 1917 g.* (Moscow, 2014).

Ushakov A. I., Fediuk V. P. *Kornilov*, 2nd ed. (Moscow, 2012).

Received: October 19, 2018

Accepted: February 18, 2019